Украинская политика России: между мягкой и жесткой силами

ВЕРШИНИН Александр Александрович

Лидерство как основа мягкой силы

События 2014–2015 гг. заставили многих на Западе говорить об использовании Москвой на Украине технологий т.н. гибридной войны. Речь, как правило, ведется о сочетании традиционных силовых методов ведения внешнеполитической борьбы с латентными: задействованием внутренних групп влияния, использованием арсенала информационной войны. В апреле 2015 г. международная конференция памяти Леннарта Мери, собравшаяся в Таллине, констатировала качественный рывок в освоении Россией технологий гибридной войны: «Мы увидели, что Россия способна делать то, на что еще десять лет назад ее считали не способной. Сейчас мы имеем дело с другой Россией, Россией, которая имеет возможность вредить своим соседям»[1].

За подобными констатациями скрывается не столько стремление описать некую новую реальность, сколько эмоциональная неподготовленность Запада к российскому ответу на Украине. Москва, владеющая инструментарием традиционной силовой политики и научившаяся сочетать его с арсеналом мягкой силы, — это иллюзия, созданная западным общественным мнением. За термином «гибридная война» применительно к действиям России на Украине на самом деле нет серьезного смыслового содержания. Масси-

[1] Lucas E. Hybrid warfare works against countries that are weak // http://lmc.icds.ee/index.php?option=com_content&task=view&id=228&Itemid=348.

рованной информационной поддержки операции в Крыму не проводилось, равно как и специальной работы с местным населением. Сама же операция, начавшаяся с появления в крымских городах вооруженных людей без опознавательных знаков, разворачивалась по канонам классической жесткой силы[2].

Понятие мягкой силы начало постоянно фигурировать в российских внешнеполитических документах и декларациях с 2010 года. В 2013 г. его включили в текст Концепции внешней политики РФ. Под мягкой силой здесь понимался «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»[3]. Предполагалось, что посредством этих новых средств воздействия на зарубежное общественное мнение российскую внешнюю политику удастся вывести на качественно новый уровень.

В российском экспертном сообществе популярно мнение, что именно эту задачу на киевском направлении Россия провалила, чем открыла дорогу к нынешнему кризису. В этой связи принято говорить об активности западных некоммерческих организаций (НКО), финансовом обеспечении Вашингтоном проведения идеологической работы на Украине, пассивности соответствующих российских структур и т.п. Между тем все это частные вопросы. Для проведения политики мягкой силы необходим мощный политический, экономический и культурный фундамент. Привлекательный образ страны формируется не только посредством информационных кампаний, но и на уровне базового целеполагания. В качестве исходной предпосылки необходим проект стратегического развития, который предлагает свои ответы на насущные социально-экономические и политические вызовы. Ключевым понятием здесь

[2] Пухов Р.Н. Миф о "гибридной войне" // Независимое военное обозрение. 29.05.2015.
[3] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г. // http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

является категория лидерства. Государство, не готовое играть роль лидера, не способно создать механизмы генерации мягкой силы.

В контексте политической традиции Запада за этим стоит представление о наборе ценностей, обеспечивающем обществу динамичное движение вперед. Основоположник концепции мягкой силы Джозеф Най в этой связи отмечает: «Страна может достигать желаемых для себя результатов в мировой политике потому, что другие страны — восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости — хотят следовать за ней»[4]. Незападные внешнеполитические практики исходят из иного посыла. Компонент мягкой силы во внешней политике Китая имеет не столько ценностное, сколько конкретное практическое содержание. Ли Даокуй, руководитель Центра «Китай в мировой экономике» университета Цинхуа, полагает, что влияние мягкой силы КНР будет возрастать «по мере достойного решения Китаем своих внутренних проблем. Таким путем он показывает некую поведенческую модель для многих бедных стран мира»[5].

Советский Союз обладал значительным ресурсом реализации политики мягкой силы, опирающейся на универсалистский глобальный проект. Отказавшись от него после 1991 г., Россия практически утратила соответствующий потенциал. Обвал советской государственности привел к фундаментальному смещению представления российских элит о мире и своем месте в нем. Выбранный ими в 1990-х гг. курс на интеграцию в большой Запад по определению не предполагал выдвижения собственного проекта развития. Россия и Украина одновременно вошли в поле действия западной мягкой силы, в рамках которого сближение между ними было возможно лишь через совместную интеграцию в третий проект с усвоением соответствующих ценностей и символов. Дилемма, в явном виде описанная президентом Украины Л.Д.Кучмой в его книге «Украина — не Россия», —

[4] Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Cambridge, 2004. P. 5.
[5] Мокрецкий А.Ч. Основные направления китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока, 2015. № 1. С. 53–54.

«в Европу: вместе или по отдельности?» — не предполагала никакой повестки дня, в рамках которой Россия смогла бы стать привлекательным центром притяжения[6].

Чтобы бороться с Западом за Украину на поле реализации мягкой силы, Россия должна была выйти за рамки западного проекта развития и выдвинуть свой, который не обязательно являлся бы глобальным, как некогда советский, но позволил бы сформулировать новую повестку дня развития для постсоветского пространства, сталкивающегося во многом со схожими вызовами. Именно по этому пути пошел Китай. Потребность в наращивании мягкой силы возникла здесь на фоне успеха экономических реформ, которые не следовали западным либеральным рецептам и шли в русле создания собственной модели развития. Как отмечают исследователи, «прежде чем китайские ценностные воззрения станут частью „мягкой силы“ за пределами страны, „сердцевинные ценности социализма“ должны стать эффективным инструментом консолидации китайского общества»[7].

Для накопления мягкой силы необходим механизм, который не направлен лишь вовне. В постсоветской России этот механизм отсутствовал. Вплоть до медленного поворота во внешней политике России начиная с середины 2000-х гг. говорить о формулировании собственного проекта развития, который бы мог стать генератором мягкой силы, не приходилось. Запад в этих условиях не встречал противодействия в своем курсе на политическое и культурное освоение Украины, в том числе методами неявного воздействия.

Украина и Россия после распада СССР

В конкретном случае с Украиной имелся ряд дополнительных обстоятельств. В российском массовом сознании восприятие Украины нагружено особым набором символов и имеет значительную инерцию. Минимальные культурные различия, опыт многовековой единой государственности,

[7] Борох О.Н., Ломанов А.В. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643.

глубокое взаимопроникновение экономик и миллионы личных связей создают в глазах россиян образ страны, которая близка по умолчанию. В результате исчезает само представление о том, что для удержания этой территории в орбите влияния Москвы необходимы приложение усилий и выработка специального внешнеполитического курса. В 1990-е гг. российско-украинские отношения на высшем уровне находились под сильным влиянием этой инерции, что проявлялось даже в официальной риторике[8].

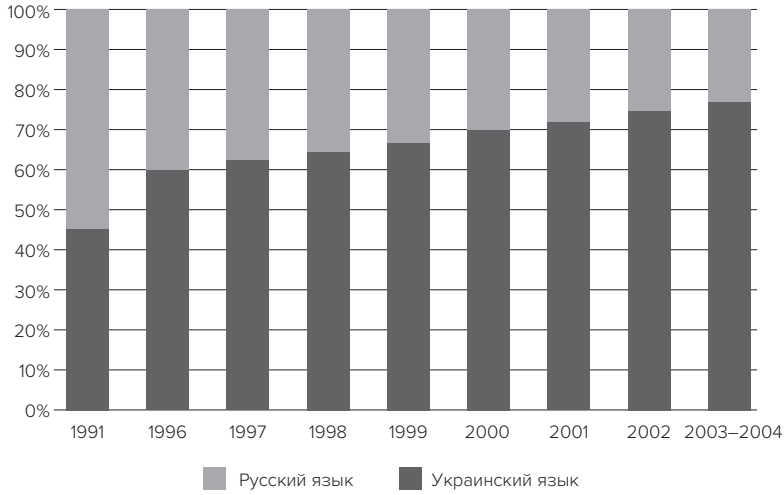
О реальном потенциале движения Украины от России после разрыва в 1991 г. никто не догадывался. В 1990-е гг. уже были видны соответствующие процессы, но в Москве их серьезно недооценивали. Дрейф Киева на Запад сам по себе не вызывал возражений — прежде всего потому, что Москва двигалась в том же направлении. Внедрение западных управленческих моделей, соответствующая переориентация элит, которая шла по всем направлениям, распространение западной массовой культуры и модели потребностей наблюдались и в России, и на Украине. Между тем, в украинском случае имелся тревожный индикатор, который указывал на то, что здесь это движение может в будущем приобрести антироссийский оттенок.

В силу специфики своего исторического развития Украина не просто усваивала элементы западной модели развития, а вписывала их в контекст построения нового национального государства. В результате западная мягкая сила оказалась неразрывно связана с реализацией украинского национального проекта, который изначально осуществлялся на основе противопоставления Украины России как значимому иному. В 1990-е годы Киев развивал медленное наступление на русский язык и русскую культуру *(График 1)*. Поскольку данный процесс развивался латентно и медленными темпами, при сохранении ряда критически важных для Москвы символов (празднование Дня Победы и отказ от реабилитации УПА), на него не обращали внимания.

[8] Кучма и Ельцин встретили «старого друга» //http://www.pravda.com.ua/rus/news/2001/10/26/4363676/view_print/?ModPagespeed=; «Ему было очень больно» // http://www.ng.ru/politics/2008-04-24/3_elcin.html

График 1. **Уровень украинизации школьного образования в Украине**

(число школьников с русским и украинским языками ообучения, %)



Источник: Украинский филиал Международного института гуманитарно-политических исследований, 2005

Первым серьезным сигналом о том, что Украина действительно выходит из орбиты российского влияния, стала так называемая Оранжевая революция 2004–2005 гг. Российская классическая жесткая сила — прямое политическое воздействие, в том числе при участии первых лиц[9], — проиграла мягкой силе, которую использовал Запад. Россия поддерживала конкретного кандидата, использовав для этого весь свой политический и информационный ресурс. Вашингтон и европейские столицы действовали иначе. «Наши деньги, — заявил пресс-секретарь Государственного департамента, — идут не на поддержку кандидатов; они поддерживают развитие процессов и становление институтов»[10]. Технологии латентного воздействия смогли парализовать традиционные политические механизмы: искусственно созданный образ «несправедливого» режима, вброшенная в информацион-

[9] Владимир Путин поддержал Януковича и украинский бюджет // Известия. 19.08.2004.
[10] Wilson A. Ukraine's Orange Revolution, NGOs and the Role of the West // Cambridge Review of International Affairs, 2016. Volume 19. Issue 1. P. 29.

ное пространство иллюзия манипуляции итогами выборов привели к многотысячным выступлениям на улицах Киева, которые заставили власть фактически капитулировать.

Роль западных НКО в украинских событиях 2004–2005 гг. открыто признавали на Западе, в том числе на официальном уровне. Госдеп сообщил, что в 2003–2004 гг. на поддержку «демократически ориентированных групп» на Украине было выделено 65 миллионов долларов[11]. Восемь иностранных посольств, в том числе американское и британское, финансировали проведение предварительных опросов избирателей при выходе с участков, которые показали победу В.А.Ющенко с перевесом более чем в 10%[12]. Для российского руководства столь явное и в то же время политически закамуфлированное вмешательство западных государств в украинские дела оказалось холодным душем. Политолог М.Макфол, впоследствии чиновник Белого дома и посол США в России, открыто писал: «Вмешивались ли американцы во внутренние дела Украины? Да. Эти американские агенты влияния предпочли бы другой язык для описания своей деятельности — демократическая помощь, продвижение демократии, поддержка гражданского общества и т. д., — но их работа, как бы она ни называлась, включает в себя работу американских фондов и американских граждан, направляющихся на Украину с целью добиться политических перемен»[13].

Оранжевая революция как вызов для России

Оранжевая революция стала отправной точкой в повороте внешней политики России в отношении Украины. Она дала представление о необходимости постоянного присутствия Москвы в Киеве, в том числе присутствия латентного. Однако перехода к политике мягкой силы не произошло, в первую очередь потому, что так и остался не решенным вопрос с созданием механизмов ее генерации. Москва едва ли могла что-то противопоставить латентному проникновению

[11] Walsh N.P. Inquiry sought into claims of US funding // The Guardian. 13.12.2004.
[12] Ukraine Opposition Claims Win // http://articles.latimes.com/2004/nov/22/world/fg-ukraine22 .
[13] McFaul M. What Democracy Assistance Is and Is Not // http://www.diplomaatia.ee/en/article/what-democracy-assistance-is-and-is-not

Запада на Украину, развивавшемуся в рамках глобального проекта, к полноценному участию в котором Россия сама стремилась. Режим Ющенко показал себя откровенно антироссийским. Наступление на русский язык интенсифицировалось[14]. Но главное, Киев вплотную подошел к красным линиям, критически важным для Кремля с политической и символической точек зрения[15]. Был запущен процесс создания нового национального нарратива на основе переписывания истории. В политической сфере украинское руководство открыто поставило вопрос об интеграции в западные институты — НАТО и ЕС.

С очевидностью обозначился вызов: выиграть латентную борьбу за Украину у Запада невозможно, играя по западным лекалам и признавая западный примат. Осознание этого факта вызвало у до сих пор в массе своей прозападно ориентированной российской элиты острую эмоциональную реакцию. Об этом в 2004 г. говорил политолог В.А.Никонов: «Я думаю, что вскоре последует намного более серьезная реакция, она будет иметь долгосрочный и стратегический характер. Для меня очевидно, что Россия и Запад очень сильно отдалились друг от друга»[16]. Через три года еще более недвусмысленно в интервью американскому изданию «Time» на эту тему высказался сам В.В.Путин: «Почему-то Соединенные Штаты решили, что в Украине есть часть политической элиты, которая является проамериканской, а часть — пророссийской, и решили поддержать ту часть, которую они считали проамериканской, так называемых оранжевых революционеров… Причем вы их поддержали в действиях, которые явно носят антиконституционный характер, ведь все, что там было сделано, все — в нарушение Конституции»[17].

В официальных заявлениях российского руководства читалось не только разочарование в Западе, но и непонимание самих его методов действия на Украине. Однако Оранжевая революция продемонстрировала, что некоторые сред-

[14] Лубенский А. Чей язык до Киева доведет? // http://ria.ru/analytics/20091022/190098080.html.
[15] Ющенко сделал Романа Шухевича Героем Украины // http://focus.ua/society/11303/.
[16] Никонов: «Россия выборы выиграла, но Запад хочет Украину» // http://inosmi.ru/world/20041214/215571.html
[17] Путин: США начали разрушать Украину // http://www.rosbalt.ru/main/2007/12/19/441987.html

ства из этого арсенала придется осваивать. После 2005 г. в выработке своей украинской политики Москва фактически приравняла к ним внешнеэкономический инструментарий. Однако «газовый рычаг», по сути, не являлся средством мягкой силы. Речь шла о традиционной политике посредством экономики. К моменту Оранжевой революции цена российского газа для Киева несколько лет оставалась на стабильно низком уровне — 50 долларов за тысячу кубических метров. После того как соседняя страна начала быстрый дрейф на Запад, цена резко пошла вверх *(График 2)*.

График 2. **Средняя цена** ($ за 1000 м^3)

Источник: Ведомости, 2014

Российское руководство на словах отрицало политическую подоплеку газовых контрактов, однако ее существование вызывало мало сомнений. Стремление финансово привязать к себе Украину, очевидно, превращалось в главную задачу Москвы на киевском направлении. Этот курс объяснялся, с одной стороны, пониманием, что одни лишь старые чисто политические методы вкупе с расчетом на то, что Украину и без того держит у российских берегов надежный якорь исторических связей, себя не оправдывают. С другой стороны, вероятно, имела место неверная оценка структуры западной мягкой силы, которая с успехом осуществила операцию смены власти в 2004–2005 гг. Идея, что ключевым фактором Оранжевой революции стали западные деньги, вложенные в конкретные общественно-политические институты, подталкивала к выводу, что одним деньгам можно

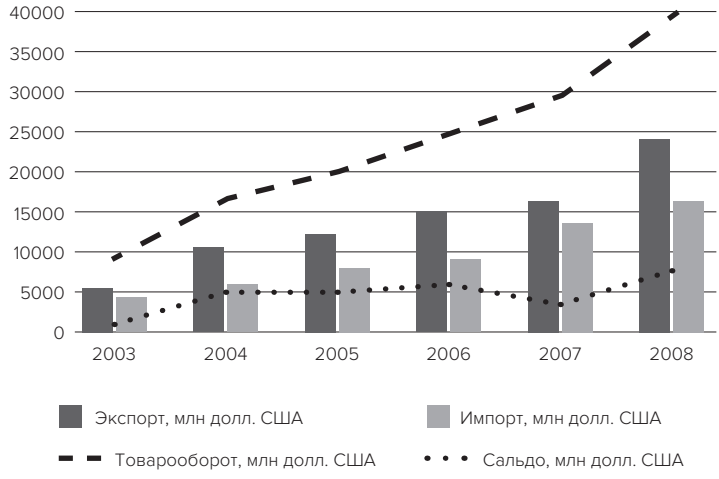
противопоставить другие. В этом смысле характерно высказался политолог С.А.Марков: «Мы должны повторять то, что делают там Соединенные Штаты. Если мы приложим хотя бы десятую часть тех усилий, которые прикладывают там США, мы получим у власти на Украине пророссийское правительство. Сейчас мы прикладываем одну сотую, и большинство украинского народа настроено пророссийски. То есть нам просто нужно помочь»[18].

В официальной риторике российского руководства экономический аспект украинской политики начал выходить на первый план. Возобладала уверенность, что одно осознание экономических последствий противостояния с Россией сыграет роль сдерживающего фактора антироссийских устремлений лидеров Украины и их заокеанских партнеров. С 2007 г. именно экономика стала лейтмотивом всех выступлений российского руководства на украинскую тему. Экономический прагматизм был выбран в качестве определяющего критерия контактов с новой украинской властью, установившейся после событий Оранжевой революции. Кремль, по всей видимости, отнюдь не был изначально настроен на жесткую конфронтацию с режимом В.А.Ющенко. За первые полгода пребывания нового президента у власти он трижды встречался с В.В.Путиным, обсуждая сугубо прагматическую повестку дня: наращивание товарооборота, сотрудничество Украины с Единым экономическим пространством (ЕЭП), создание газового консорциума, приватизация имущества с участием российского бизнеса[19].

Бизнесу, по всей видимости, отводилась особая роль в «привязке» Украины к России. После 2005 г., несмотря на политические перипетии в отношениях Москвы и Киева, взаимный товарооборот неизменно рос *(График 3)*. На Украину широким потоком шли российские инвестиции. По состоянию на предкризисный 2012 год 38% прямых российских инвестиций в странах СНГ приходились на Украину. При этом

[18] Interview with Sergey Markov, 16 December 2007 // Wilson A. Ukraine Crisis. What It Means For the West. Yale, 2014
[19] Воробьев В. Путин и Ющенко начинают, Христенко и Терехин продолжат // http://www.rg.ru/2005/03/21/putin-yushenko.html.

График 3. **Динамика внешней торговли России и Украины**



Источник: ФТС России, 2009

Киев значительно опережал даже партнеров Москвы по Таможенному союзу. Авторы соответствующего исследования делали тогда логичный вывод: «Украина даже при менее развитой формальной интеграции оказывается очень привлекательной для российских компаний и по экономическим, и по культурным соображениям»[20]. В Москве если прямо и не говорили о бизнес-связях как дополнительном механизме влияния на Киев, то подразумевали это. Не случайно, когда в 2013 г. зашла речь о заключении соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС, российские официальные спикеры указывали на тесные экономические связи между двумя странами как основное препятствие для дрейфа Киева на Запад[21].

В качестве дополнительного способа удержания Украины в орбите влияния Москвы рассматривалось налаживание личных контактов в среде украинских политических и бизнес-элит. Российские послы на Украине играли роль не столько дипломатических представителей, сколько своего

[20] Кузнецов А.В. и др. Мониторинг взаимных инвестиций СНГ. Доклад № 6, 2012. С. 7.
[21] Глазьев С.Ю. Украина ассоциацией с ЕС навсегда закрывает дверь в Таможенный Союз // http://www.rosbalt.ru/ukraina/2013/04/27/1123413.html.

рода медиаторов между московскими и киевскими группами влияния. Назначенный в 2001 г. послом В.С. Черномырдин имел тесные личные отношения с тогдашним президентом Л.Д. Кучмой. Его преемник М.Ю. Зурабов имел репутацию скорее чиновника и предпринимателя и в этом качестве поддерживал контакты с украинскими бизнесменами, в том числе с избранным в 2014 г. на пост президента П.А. Порошенко. Особые отношения с российским руководством установили крупные украинские политики (В.В. Медведчук). Успешное разрешение очередного газового кризиса в 2009 г. объясняли в том числе благоприятными личными связями между тогдашними премьер-министрами двух стран Ю.В. Тимошенко и В.В. Путиным.

Российское руководство, традиционно отводившее особую роль налаживанию персональных контактов с зарубежными лидерами, реализовывало эту линию на Украине, подкрепив ее активным экономическим проникновением. И Черномырдин, и Зурабов помимо посольских обязанностей имели должность спецпредставителя президента по развитию торгово-экономических отношений между двумя странами. Характерна сама мотивировка назначения послом в Киев В.С. Черномырдина, которую при принятии соответствующего решения озвучил президент России: «Основа наших отношений с Украиной — это прежде всего торгово-экономические связи, и вряд ли мы найдем человека, который лучше бы знал состояние отношений в этой сфере между двумя государствами… который бы имел такие хорошие и разветвленные отношения личные как на Украине, так и в России»[22]. По поводу назначения М.Ю. Зурабова в 2009 г. также звучали похожие интонации. Бывший министр иностранных дел Украины тогда предположил, что «это политическое назначение, и в него, конечно, вкладывается какой-то определенный смысл — или развивать более активно торгово-экономические отношения, или налаживать бизнес-связи с соответствующими структурами»[23].

[22] Виктор Черномырдин назначен послом и спецпредставителем Президента по сотрудничеству с Украиной // http://www.1tv.ru/news/polit/118203.
[23] Зленко не понимает, почему Россия назначает послом бизнесмена по природе // http://new-ukraine.org.ua/news/177

Сам тот факт, что в Киев не отправляли профессиональных дипломатов, говорил о некоем особом видении отношений с Украиной, которые, как считалось, можно отстроить на основе неформальных связей и бизнес-контактов. При назначении М.Ю. Зурабова в кулуарах Государственной думы отмечали: «С приходом Зурабова исчезнут иллюзии того, что у нас есть хоть какая-то политика в отношении Киева»[24]. По сути, подобные констатации имели под собой основу. Неполитическое воздействие на внутриукраинские процессы само по себе не является формой осуществления мягкой силы. Эти латентные методы влияния должны в конечном итоге иметь конкретный политический стержень — отталкиваться от реального образа, делающего страну и ее модель развития притягательными.

В отсутствие этого стержня деятельность России по сохранению Киева в своей орбите сводилась к решению второстепенных вопросов обеспечения газового транзита и наращивания товарооборота. Тот факт, что сами по себе они не обеспечивают за Москвой право голоса в украинских делах, долгое время в Кремле, видимо, слабо осознавался. Налаженные контакты в политических и бизнес-кругах зачастую так и оставались личными, не находя выхода в политическую сферу. Политика «с акцентом на интересы корпоративного свойства»[25] дробила единый курс в отношении Киева на несколько сегментов, слабо связанных друг с другом общим целеполаганием. Газовый сюжет, тема сотрудничества в ряде отраслей промышленности, перспективы базирования Черноморского флота в Крыму — эти вопросы обсуждались в отдельности как самостоятельные друг от друга проблемы.

Политические реалии явно демонстрировали издержки взятой Кремлем линии в российско-украинских отношениях. Товарооборот и объем прямых инвестиций росли обратно пропорционально ухудшающимся двусторонним отношениям. В.А. Ющенко совершил резкий поворот в сторону последовательной украинизации общественной и культурной жизни в стране. В 2008–2009 гг. контакты на высшем уровне

[24] Посол по социальным поручениям // http://www.kommersant.ru/doc/1191400
[25] Михаил Демурин о назначении Зурабова // http://www.rus-obr.ru/ru-web/3438

практически замерли. Поддержка Киевом Тбилиси в ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии летом 2008 г. стала особенно болезненным раздражителем для Москвы. Тем не менее изменения политики России в отношении Украины в результате этого не произошло. Москва считала, что политическое фиаско Ющенко и его уход из власти в 2010 г. сами по себе окажут соответствующий эффект на украинское общественное мнение. В выступлениях высшего руководства страны проскальзывали соответствующие интонации[26].

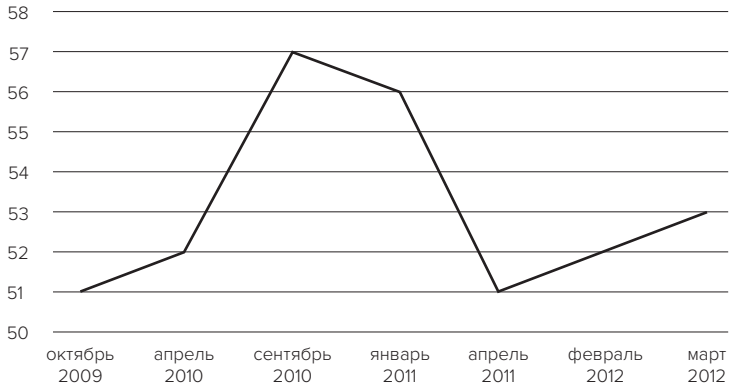
Новая украинская политика Москвы

Между тем за пять постмайданных лет в России не сформировалось представление о том, как «повторить то, что делают там Соединенные Штаты». Борьба за умы населения и влияние на общественное мнение по большей части находились вне сферы интересов Москвы. Здесь удовлетворялись неизменно высоким уровнем симпатий украинского населения к России, который демонстрировали соцопросы. Запад же, несмотря на неудачу своих креатур в Киеве, продолжал следовать заданным курсом. Украине, пережившей провал надежд, связанных с Оранжевой революцией, предлагался все тот же образ превращения в «нормальную» западную страну. Мимо внимания российского руководства прошел факт, что количество украинцев, поддерживавших движение страны на Запад, оставалось неизменно значительным. С октября 2009 г. по февраль 2012 г., то есть на протяжении периода смены властной команды у руля в Киеве, оно не опускалось ниже планки в 50% *(График 4)*.

Созданный Западом желаемый образ «европейской Украины» давал значительный ресурс для проведения политики мягкой силы. Пока Москва пыталась построить деловые отношения с украинскими политиками и бизнесменами, американцы успешно занимались работой с теми группами населения, которые были наиболее восприимчивы к соот-

[26] Путин считает себя «единственным в мире абсолютным и чистым демократом» // http://lenta.ru/news/2007/06/04/theone; Путин: Саакашвили и Ющенко могут вспоминать «битвы», которые «продули» // http://ria.ru/politics/20091120/194616023.html

График 4. **% поддерживающих присоединение Украины к Европейскому союзу**



Источник: Социологическая служба «Рейтинг», 2012

ветствующей риторике. В 2013 г. посол США в Киеве Джон Тефт отмечал: «Со времени обретения независимости десятки тысяч украинцев получили образование в Соединенных Штатах на всех этапах, от начальной и средней школы до университетов и докторских программ. Украина представляет собой крупнейшую в мире площадку для деятельности Корпуса мира. Волонтеры живут в сотнях украинских деревень и городов, преподавая английский язык и работая с негосударственными организациями, образовательными учреждениями и помогая местным властям»[27].

Люди, занимавшиеся реализацией западной политики на киевском направлении, верно оценили потенциал националистического дискурса, который с 1991 г. оказался на Украине тесно переплетен с идеями построения государства западного типа. Посольство США из средств специального фонда, предназначавшегося для поддержки культурных проектов на территории Украины, спонсировало возвращение в страну части архива Тараса Шевченко[28]. На торже-

[27] An Interview with John Tefft, U.S. Ambassador to Ukraine // http://thepolitic.org/an-interview-with-john-tefft-u-s-ambassador-to-ukraine
[28] Посол Джон Тефт та його дружина пані Маріелла Тефт відкрили нову виставку: «Тарас Шевченко. Втрачені та повернені раритети» // http://ukrainian.ukraine.usembassy.gov/uk/amb-shevchenko.html

ственном мероприятии посол Дж.Тефт читал в оригинале стихотворение «Заповит». Многочисленные поездки посла по украинским городам с участием в публичных мероприятиях, Дни Америки во Львове, Харькове и Днепропетровске, даже театрализованное в национальном стиле поздравление украинцев сотрудниками посольства США с Днем независимости — все это явно выдавалось на фоне пассивности российской миссии.

К 2013 г. понимание того, что интересы России и Запада на Украине разнонаправлены, вполне сложилось. Москва все более явно отказывалась признавать правила игры, установленные по итогам окончания Холодной войны, и ставила под сомнение глобальное лидерство США и их союзников. Это был первый шаг к созданию собственных механизмов генерации мягкой силы, но за ним должны были последовать другие. Вопрос о том, что такое российский проект развития, по крайней мере в его проекции на постсоветское пространство, оставался не решенным, несмотря на запущенный процесс евразийской интеграции. Он был выдержан в старой логике: объединяться вокруг России необходимо в первую очередь потому, что это выгодно с экономической точки зрения. Основное затруднение состояло в том, что, рассуждая в этой плоскости, показать большую привлекательность российского проекта по сравнению с западным крайне проблематично. Особенно в случае с Украиной, имеющей тесные экономические связи с Европой и в массе своей прозападную элиту.

Иного же ценностного содержания, которое бы позволило российской мягкой силе действовать в других сферах, евразийский проект не имел. Это обстоятельство в украинском случае обезоруживало Москву. Кремль резко критиковали внутри страны за пассивность на украинском направлении, но ничего принципиально нового, отличного от старой формулы «экономика + контакты между элитами» Россия здесь предложить не могла. Однако попытки предпринимались. Идея культурного проникновения на постсоветском пространстве, в частности в пределах стран,

близких в языковом и культурном отношении, носилась в воздухе с 2007–2008 гг., когда согласно указам президента возникли фонд «Русский мир» и Федеральное агентство по делам соотечественников, проживающих за рубежом (Россотрудничество). В то же время аналогичное видение начало формироваться в среде клира Русской православной церкви, которая после избрания на патриарший престол митрополита Кирилла начала активно поднимать тему «триединой православной Руси».

На официальном уровне этот дискурс был легитимизирован в ходе предвыборной кампании В.В.Путина 2011–2012 гг. и его первыми выступлениями в качестве президента, в которых Россия осмыслялась как отдельная цивилизация. Тема близости украинского и русского народов, о которых российские руководители неоднократно говорили как о едином народе, поднималась все чаще. Фактически речь шла о первой за все постсоветские годы попытке Москвы выработать некий собственный проект лидерства на территории, которую некогда занимал Советский Союз. Его тактическим преимуществом было то, что он не претендовал на глобальность и в этом смысле не вступал в бесперспективную борьбу с западным проектом. Однако он открыто позиционировался как альтернатива в рамках территории, культурно близкой России.

Эта модель начала проецироваться на Украину с 2008 г., когда торжества по случаю 1020-летия Крещения Руси неожиданно превратились в межцерковный конфликт с серьезным внешнеполитическим подтекстом. Речь тогда шла о возможности предоставления официального статуса непризнанному Киевскому патриархату и последующего формирования на Украине независимой от Москвы единой поместной православной церкви со всеми вытекающими отсюда последствиями для России как центра исторической Руси. В конфликт активно вмешались киевские власти во главе с В.А.Ющенко. Для них движение страны на Запад было неразрывно связано с построением национального украинского государства, которое считалось «неокончен-

ным» без создания единой поместной украинской церкви[29]. В противовес ему российское светское и церковное руководство впервые выдвинуло идею неразрывного культурного пространства, важнейшей частью которого являлась Украина. На приеме по случаю юбилея В.В.Путин заявил: «Православие неразрывно связало судьбы народов России, Украины, Белоруссии, народов других стран. У нас общие ценности и единый духовный путь, начало которому было положено у Днепровской купели. И это бесценное богатство мы обязаны беречь»[30]. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, лично приехавший на празднование в Киев, со своей стороны правильно расставлял акценты: «Единство русского православия не может препятствовать полноценной жизни суверенных государств, являющихся преемниками Киевской Руси»[31].

Главным проводником этого курса со стороны Москвы стала именно Русская православная церковь. Патриарх Кирилл поставил укрепление религиозных и культурных связей с Украиной одной из своих основных целей. Регулярные патриаршие визиты в Киев (предшественник Кирилла посещал Украину всего три раза за 18 лет), заявления Кирилла о желании выучить украинский язык[32], упорные слухи о возможности перенесения патриаршего престола в Киев — все это имело целью избежать церковного отделения Украины и сохранить ее как сферу культурного влияния России. Если принять во внимание тот факт, что и Украинская, и Русская православные церкви — это гораздо больше, чем обычные общественные организации, формально независимые от государства, то становится понятно, что речь шла о формировании нового механизма реализации Москвой своей мягкой силы.

Этот проект был, безусловно, шагом вперед по сравнению с прошлыми метаниями российской политики на киевском направлении. Однако он столкнулся с объективными трудностями. Во-первых, он оказался тесно связан с церковной

[29] Зыгарь М. Торжества, приуроченные к Крещению Руси // Коммерсант. 28.07.2008.
[30] Выступление В.В.Путина на приеме по случаю 1020-летия Крещения Руси // http://archive.government.ru/docs/1525/.
[31] Алексий II: единство Церкви не мешает суверенитету государств // http://ria.ru/religion/20080727/150057687.html.
[32] Новый Патриарх взялся за украинский язык // http://obozrevatel.com/news/2009/2/23/287648.htm.

политикой, а церковь в современном мире — это, при всех оговорках, особый институт со своими, подчас сильно отличающимися от светских интересами. Во-вторых, его приходилось осуществлять «с колес» и пытаться наверстать что-то в ситуации, когда многое было уже упущено. Западная мягкая сила пустила на Украине глубокие корни. Если ее культурному аспекту, который во многом сводился к поощрению националистического дрейфа Киева от Москвы, идея «триединой Руси» могла что-то противопоставить, то сам образ благополучного Запада, якобы готового интегрировать в свой состав Украину и тем самым реализовать ее постсоветскую мечту, по-прежнему стоял для украинцев очень высоко.

Как минимум одно поколение успело вырасти в условиях информационного и культурного доминирования Запада. Индоктринировать его в новых ориентирах за несколько лет было невозможно. Политические и деловые элиты, в том числе восточные, наиболее влиятельные из них, несмотря на культурную и психологическую близость к России, часто закрепленную личными и бизнес-контактами, ориентировались в массе своей на Запад. В.Ф.Янукович, позиционировавшийся как пророссийский кандидат, являвшийся прихожанином Московского патриархата и много лет набиравший политические очки на теме русского языка, став президентом в 2010 г., взял тот же курс.

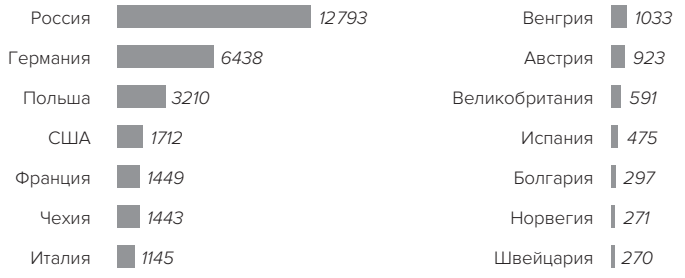
Неутешительные итоги

В 1990-е гг. Россия недооценила потенциал движения Украины в противоположном от себя направлении и переоценила надежность культурных и исторических связей между двумя народами. Сконцентрировавшись на решении сиюминутных вопросов, она упустила возможность выдвинуть проект развития с включением социально-экономических и культурных компонентов, который бы превратил Россию в центр притяжения для Украины и позволил бы реализовывать в ее отношении политику мягкой силы. Стремясь интегрироваться в западный проект, Россия в принципе потеряла такую возможность. Упреки российского руководства в том, что

оно якобы не занималось борьбой за умы украинцев, лишь частично обоснованы. Действительно, само понимание важности этой опции и бесперспективности подмены внешней политики экономическими и личными контактами на уровне элит пришло поздно. Однако есть все основания утверждать, что Россия, утратив представление о своем лидерстве на постсоветском пространстве и не имея собственного проекта развития, в принципе не могла освоить механизмы осуществления мягкой силы на киевском направлении.

Цифры говорят сами за себя. По данным ЮНЕСКО, в 2013 году Россия являлась абсолютным лидером по количеству обучающихся за рубежом украинских студентов — 12 тысяч из общего числа 35 тыс., больше, чем показатели Германии, Польши, США и Франции вместе взятых *(График 5)*. При этом никакой индоктринации образованной молодежи в пророссийском духе не произошло. Наличие тесных личных связей между людьми, проживающими в двух государствах, также могло бы являться эффективным рычагом мягкой силы. Опрос 2011 г. показал, что половина украинцев имеет родственников в России, а треть — близких друзей и знакомых[33]. Однако и это обстоятельство не сработало в пользу российской политики на Украине.

График 5. **Куда уезжают учиться украинские студенты?**

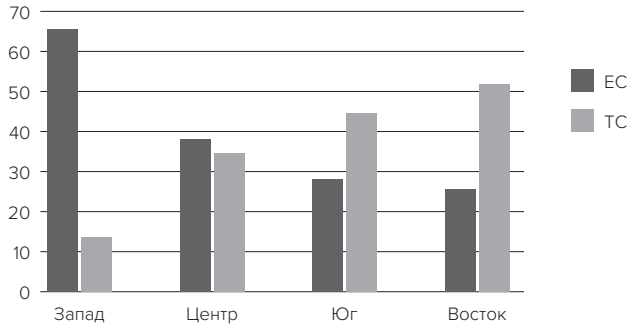


Источник: UNESCO Institute for Statistics, 2013

[33] Что украинцы думают о России: соцопрос // http://www.odnako.org/blogs/chto-ukrainci-dumayut-o-rossii-socopros

Создание дополнительных структур для осуществления российской мягкой силы вряд ли дало бы ожидаемый многими эффект. Проблема заключается не в том, что Москва не выделяла достаточно средств для максимизации своего влияния на украинское общественное мнение и внедрила на Украине меньше НКО, чем США. Дело в том, что эти каналы нечем было наполнять. На предкризисном этапе апелляция к историко-культурной общности двух народов уже не могла в корне изменить ситуацию. Курс на Запад был взят, и даже в традиционно пророссийских регионах его поддерживали более четверти населения (*График 6*). В массовом сознании украинцев не сложилось четкой корреляции между принадлежностью к единому русскому культурному полю и политической лояльностью России как его ядру.

График 6. **Отношение граждан Украины к перспективе вступления страны в ЕС и Таможенный союз, в %**



Источник: Киевский международный институт социологии, март 2013

С другой стороны, объективным препятствием для реализации российской мягкой силы на киевском направлении являлся тот факт, что эту деятельность пришлось бы осуществлять в ситуации наличия на Украине национального проекта государственного строительства, который во многом основывался на отторжении российского культурного

и исторического опыта[34]. Россия для современной Украины является во многом значимым иным, соотнося себя с которым молодое государство выстраивает собственную идентичность. Поэтому любое латентное российское влияние априори рассматривалось в Киеве как угроза. Если посольство США при полном содействии местных властей организовывало Дни Америки в ряде крупных городов Украины, то аналогичные мероприятия российской стороны часто рассматривались как подрывные, в особенности после прихода к власти президента В.А.Ющенко[35]. В этой ситуации культурная экспансия России на Украине, к представлению о необходимости которой Москва пришла к началу 2010-х гг., оказывалась серьезно затруднена.

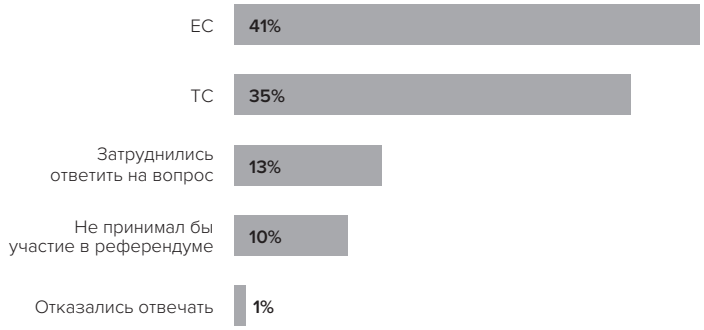
Еще одно объективное обстоятельство: России в принципе трудно оперировать категориями политики мягкой силы. Для ее успешной реализации необходимо в некоторой степени осознание собственной исключительности, показательности национального примера исторического развития. С опорой на этот потенциал свою мягкую силу развивают Запад и Китай. Большой ресурс имел в свое время Советский Союз. У России, отказавшейся в 1991 г. от модели глобального и регионального лидерства, на этом пути возникают трудности. В сфере осуществления внешней политики у нее остался лишь чисто политический и дипломатический инструментарий. В ряде ситуаций он показывает высокую эффективность, однако ей трудно формулировать и воплощать в жизнь модели действия «вдолгую». Российская внешняя политика до сих пор во многом следует классическим моделям Realpolitik. Она сильна за столом переговоров, при балансировании разнонаправленных интересов, точечном применении силы, непубличных договоренностях. Ценностная составляющая в ней слабо выражена в том смысле, что она не руководствуется некими идеологическими императивами и по умолчанию плюралистична. С этих позиций

[34] Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007; Неменский О.Б. Чтобы быть Руси без Руси. Украинство как национальный проект // Вопросы национализма: журнал научной и общественно-политической мысли. Москва, 2011. Вып. 5.
[35] Ющенко испортил севастопольцам День флота // https://news.mail.ru/politics/2767637/

удобно находить баланс интересов, но крайне непросто латентным образом навязывать свой путь развития.

Субъективные и объективные ограничения для реализации Россией политики мягкой силы на украинском направлении привели к серьезному политическому поражению Москвы. Государственный переворот в Киеве 22 февраля 2014 г. вскрыл практически все проблемы в этой сфере. Логика национального интереса, из которого исходила Россия, шла вразрез с возможностью подписания Украиной ассоциации с Евросоюзом. Политика Москвы строилась исходя из этого посыла, что совершенно не учитывало фактора мягкой силы Запада. С помощью целого арсенала средств ему удалось создать притягательный образ, который за счет эмоционального воздействия на общественное мнение свел на нет все прагматические доводы российской стороны. Хотя соцопросы показывали примерный паритет между сторонниками интеграции с ЕС и Таможенным союзом[36] (*График 7*), именно первые задавали информационный фон, а значит, имели возможность влиять на политику государства.

График 7. **Как бы вы проголосовали на референдуме о вступлении Украины в международные интеграционные объединения, если бы он состоялся в ближайшее время? (опрос граждан Украины)**



Источник: Киевский международный институт социологии, октябрь 2013

[36] За вступление Украины в ЕС выступают 41% граждан, за Таможенный союз – 35% // http://zn.ua/POLITICS/za-vstuplenie-ukrainy-v-es-vystupayut-41-grazhdan-za-tamozhennyy-soyuz-35-130295_.html

Впрочем, к 2013 г. возможности России маневрировать в этом вопросе были объективно невелики. Можно предположить, что любая ее попытка повлиять на ситуацию так же, как это делал Запад (открыто отправляя в Киев своих эмиссаров и официальных лиц, активно используя информационный рычаг для обработки украинского общественного мнения), имела бы обратный эффект, так как спровоцировала бы традиционные спекуляции на тему «руки Кремля».

В итоге Москва была вынуждена использовать против западной мягкой классическую жесткую силу, на поле реализации которой имела ряд важных преимуществ (см. соответствующую главу доклада). На острой стадии развития конфликта, когда он перешел в открытую фазу, говорить о мягкой силе как возможном способе его разрешения не приходится. Украинский кризис в его нынешнем виде будет разрешен политическими методами и дипломатией: через переговоры и взаимный обмен интересами. Запад, сделавший своим козырем мягкую силу, чувствует себя в таком положении неудобно: его латентное влияние на процессы в Киеве становится явным, приобретает все более откровенный вид, что лишает мягкую силу смысла.

За последние годы для западных элит мягкая сила превратилась едва ли не в единственно признанный вариант внешней политики. Другие ее разновидности — закулисные договоренности, обмен интересами или применение силы — рассматриваются как нежелательные, хотя и продолжают использоваться[37]. С этой точки зрения переворот 2014 г. в Киеве, состоявшийся при поддержке Запада без учета интересов России и закамуфлированный под народное выступление, в глазах западных столиц соответствует всем международным правилам. Ответ России, сделанный в традициях классической жесткой силы, тут же был объявлен нарушением всех норм. Понятие «гибридная война», придуманное на Западе для описания действий Москвы, является неким эрзацем жесткой силы, представление о которой в умах заокеанских

[37] Lagon M.P. The Value of Values: Soft Power Under Obama // http://www.worldaffairsjournal.org/article/value-values-soft-power-under-obama

стратегов значительно размылось. В то же время акция России в Крыму являлась успешно исполненной силовой акцией с удачным балансом публичных и непубличных шагов.

Очевидно, что мягкая сила на Украине временно отходит на второй план. Резкая поляризация общественного мнения, фактический социальный раскол ограничивают поле неявной борьбы за умы. Запад, который сегодня фактически осуществляет опеку над Украиной, чувствует себя здесь неуютно. Отсюда — постоянные попытки подтолкнуть страну к хотя бы внешнему умиротворению через обуздание ультраправых движений[38] и умеренную поддержку условных «миротворцев», в данном случае из числа бывших соратников В.Ф.Януковича[39]. Однако и возможности России сочетать инструменты активной политики и дипломатии с неявным влиянием на украинское общественное мнение оказываются минимальными.

Ни вести информационную борьбу, ни пытаться найти контакт с потенциальными пророссийскими силами на Украине Москва сейчас не может. На пути возможных информационных проникновений поставлены труднопреодолимые препятствия в виде официальных ограничений. Возможные же симпатизанты российской политики в украинском обществе сейчас оказались во внутреннем гетто, и их влияние на происходящие события минимально. Однако фактор мягкой силы вновь вступит в действие на стадии последующей стабилизации ситуации. Москве придется осваивать соответствующие технологии для закрепления того положения на Украине, которого она может добиться. Задача создания механизмов проекции российского влияния на посткризисную Украину выглядит гипотетической. Тем не менее о подходах к ней необходимо задумываться уже сейчас.

Объективным фактором, блокирующим влияние России на современной Украине, является психологическое состояние украинского общества и конфигурация общественного мнения. Впервые за все постсоветские годы показатели

[38] Посол США на Украине осудил действия "Правого сектора" // http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2133407
[39] Посол США вступился за оппозицию на выборах в Харькове // http://www.segodnya.ua/politics/pnews/posol-ssha-vstupilsya-za-oppoziciyu-na-vyborah-v-harkove-656339.html.

антироссийских настроений на Украине столь высоки. В декабре 2014 г. о своем положительном отношении к России заявили лишь 38% украинцев. Половина опрошенных поддерживает закрытие границы между двумя государствами[40]. В массовом сознании эта картина новой украинской русофобии кажется безальтернативной. Ее лишь подтверждают многочисленные СМИ, которые старательно фиксируют рост антироссийских настроений в Киеве.

Как удержать Украину?

Однако в потоке информации о настроении умов украинского населения есть четкие указания на то, что в украинском обществе в настоящее время активно раскручивается «спираль молчания»[41]. Речь идет о процессе глубинного искажения общественного мнения, в ходе которого точка зрения малочисленной, но активной части населения подменяет собой реальную точку зрения большинства. Посредством СМИ в массовом сознании создается впечатление, что некий взгляд на реальность по умолчанию разделяется абсолютным большинством граждан страны. Таким образом у людей, которые на самом деле разделяют другую точку зрения, заранее выбивается почва из-под ног. Боясь оказаться в рядах дискриминируемого меньшинства, они публично говорят не то, что думают.

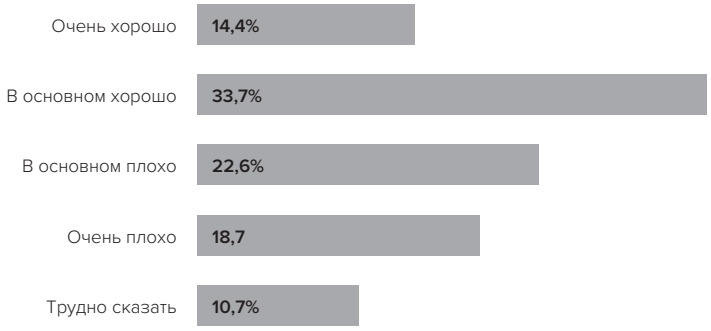
Социологи подтверждают, что сегодня на Украине сложилась именно такая ситуация: «значительная часть населения не приняла Майдан и Революцию достоинства, а примерно такая же часть поддержала и является в этом смысле базовым фундаментом власти… Значительная часть населения страны, может быть где-то до 50 процентов, не приняла Революцию, но вынуждена это скрывать. На юго-востоке эта цифра доходит до 80 процентов населения. Просто в нынешнем украинском обществе другую неправительственную точку зрения демонстрировать не принято. Но она есть»[42].

---

[40] Отношение украинцев к России и россиян к Украине ухудшилось // http://www.interfax.ru/russia/422427 .
[41] Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
[42] Копатько: Украину ждет резкое социальное обострение и новые конфликты // http://rian.com.ua/interview/20150223/363874254.html.

Показательно, что общий тренд негативного отношения к России не влечет за собой формирования антироссийского и русофобского дискурса. Соцопросы показывают целый ряд характерных деталей. При общем снижении симпатий к России они в ситуации целенаправленного информационного воздействия на массовое сознание остаются на высоком уровне. В октябре 2014 г., уже после тяжелых потерь украинской армии в Донбассе и на фоне значительного ухудшения экономической ситуации, причины которого объясняли войной, о своем положительном отношении к России заявила почти половина украинцев (*График 8*).

График 8. **Как Вы в целом относитесь сейчас к России? (опрос граждан Украины)**



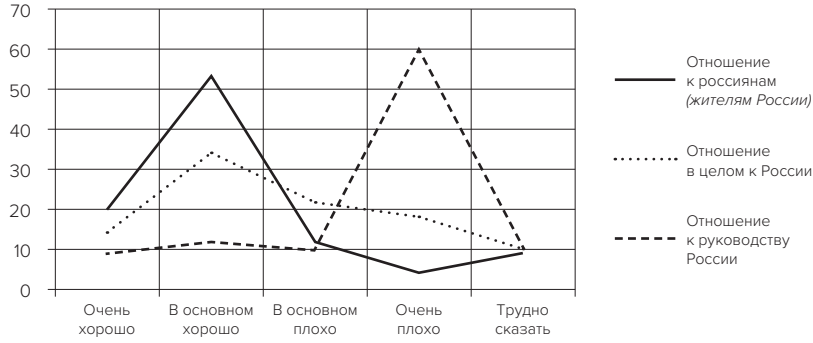
Источник: Киевский институт международной социологии, октябрь 2014

За все военное лето 2014 г. этот показатель снизился всего на 4%[43]. Еще более красноречива другая статистика. Сдержанно-положительное отношение к России как стране, прохладное отношение к российскому руководству ярко контрастирует с однозначно благоприятным отношением к россиянам (*График 9*)[44]. Даже в условиях практически пол-

[43] Опрос: конфликт на Донбассе почти не изменил отношение украинцев к РФ // http://ria.ru/world/20141004/1026929962.html.
[44] Украина – Россия: нервная любовь, неравная ненависть // http://gazeta.zn.ua/internal/ukraina-rossiya-nervnaya-lyubov-neravnaya-nenavist-_.html.

ной информационной блокады и активно раскручивающейся спирали молчания на фоне боевых действий в июле 2014 года 20% украинцев выступают за интеграцию страны в Евразийское пространство[45]. Весной 2015 года 80% населения Украины считало, что без участия России решить конфликт в Донбассе невозможно[46].

График 9. **Отношение украинцев к России как государству, руководству России и россиянам, в %**



Источник: Киевский институт международной социологии, октябрь 2014

Генетической русофобии, которая бы раз и навсегда закрыла для российской политики на Украине возможность использования инструментов мягкой силы, не прослеживается. Сегодняшняя ориентация украинского общественного мнения может быстро поменяться в неожиданном для него самого направлении. Любое нарушение нынешнего внутриполитического консенсуса, будь то под влиянием окончательного обвала социально-экономической сферы, очередного политического кризиса или эскалации боевых действий, потенциально чревато сбоем в функционировании спирали молчания. Украинские социологи подтверждают, что это

[45] В Украине осталось около 20% сторонников Таможенного союза // http://zn.ua/UKRAINE/v-ukraine-ostalos-okolo-20-storonnikov-tamozhennogo-soyuza-149432_.html.
[46] Копатько: никакой солидарности украинцев в дни Майдана не было // http://ria.ru/interview/20150407/1057077278.html

уже происходит: «Можно говорить и о невероятной солидарности общества в декабре 2013-го — феврале 2014 года, которой на самом деле не было. Была некая солидарность активного меньшинства, которая на фоне общего безразличия казалась солидарностью всего народа. Сейчас эта ситуация размывается»[47]. Реальный потенциал перекладывания на Россию ответственности за все проблемы Украины имеет свои пределы. Срыв этой объяснительной конструкции хотя бы по одному из актуальных вопросов внутренней повестки дня приведет к ее полному обрушению.

Если же удастся пробить хотя бы незначительную брешь в информационной блокаде страны, организованной Киевом, то перед Москвой образуется поле для работы с умами простых украинцев, причем в принципиально новой ситуации, когда ряд объективных ограничений для российской мягкой силы на Украине ослабнут. Во-первых, Москве волею обстоятельств придется взять на себя ведущую роль в восстановлении украинской государственности, то есть выступить в том самом качестве лидера, которое до сих пор ей не удавалось. Если еще в 2013 г. речь для украинцев шла о выборе модели развития, то сейчас на повестке дня более прозаичные вопросы: поиск путей выхода из глубокого социально-экономического и политического кризиса по крайней мере на старую траекторию развития. Реализуя функцию основного участника и инвестора проекта по восстановлению Украины, Россия потенциально получит значительный репутационный капитал, который позволит отладить механизмы генерации мягкой силы. В этом случае экономическое влияние Москвы на Киев удастся наконец конвертировать в политическое.

Во-вторых, обрушение модели украинской государственности, складывавшейся с 1991 г., ставит вопрос о ее концептуальном пересмотре. Если Москве удастся политическими методами добиться реинтеграции Донбасса в единое с Киевом пространство на принципиально новых условиях — как

[47] Копатько: никакой солидарности украинцев в дни Майдана не было // http://ria.ru/interview/20150407/1057077278.html.

полноценного субъекта децентрализованного государства, то она фактически получит новую Украину, где пророссийские взгляды и общественная деятельность больше не будут рассматриваться как угроза самому существованию страны. В-третьих, современный Украинский кризис лучше, чем любая политика Кремля, бьет по привлекательности идеи интеграции Киева в западные институты. Этот момент не стоит переоценивать, чтобы не совершить еще раз ошибку, допущенную после политического фиаско В.А.Ющенко и всей «оранжевой» команды. Однако нужно учитывать, что тогда Москва не воспользовалась благоприятной конъюнктурой. Есть основания считать, что сейчас это понимание в среде российского руководства присутствует[48].

Для России в деле будущей реализации своей мягкой силы на украинском направлении принципиально понимать, что она может и должна будет сделать, а что вряд ли имеет смысл. Во-первых, украинская социальная среда, возможный объект отправления мягкой силы, гетерогенна. Так называемый креативный класс крупных городов (студенчество, бизнес, офисные работники), составивший массовую основу Майдана[49], вряд ли может поддаться соответствующему воздействию. Эта часть населения страны наиболее глубоко индоктринирована символами и ценностями западного глобального проекта. Они ею в значительной степени интериоризированы, в результате чего даже очевидный провал курса Украины на Запад с большой долей вероятности не будет рассматриваться этими людьми как ошибочность исходного целеполагания. Российская мягкая сила объективно не сможет предложить этой группе населения привлекательный для нее образ и будет отторгаться как чуждая.

Своеобразие посткризисной ситуации будет состоять в том, что эта часть украинского общества, которая находится на передних позициях со времен Майдана и активно раскручивает механизм спирали молчания, окажется в серьезной

[48] Путин: Оценку позорной практике внешнего управления даст украинский народ // http://kremlin.ru/events/president/news/50140 .
[49] Майдан-2013: кто стоит, почему и за что? // http://www.kiis.com.ua/?cat=reports&id=216&lang=rus

степени деморализованной. Представляется, что Москве следует воспользоваться этим положением не для завоевания умов этих людей, а для их социально-политической изоляции. Эта задача облегчается тем, что именно условные «креаклы» стали авангардом общественной поддержки украинской гражданской войны, связав себя с ее самыми тяжелыми эпизодами. Поэтому любой исход конфликта, кроме полной победы Киева, обрекает их на значительные моральные последствия.

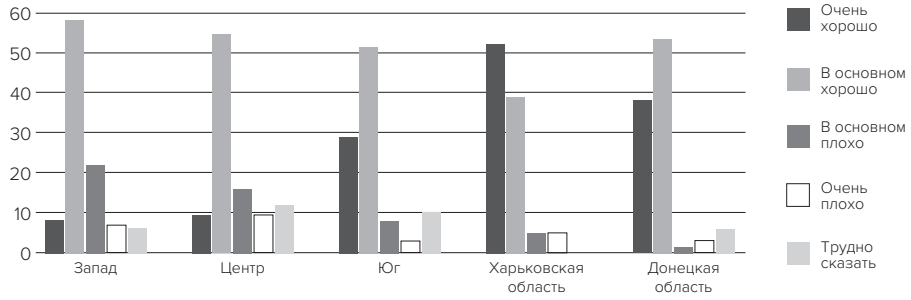
При этом необходимо понимать, что большинство тех, кто сегодня на Украине молча одобряет гражданскую войну и поддерживает антироссийскую риторику, — это обычные среднестатистические граждане. Их позиция отличается пассивностью: их вовлекли в водоворот событий государственного переворота, впоследствии использовали для легитимации нового режима через выборы, наконец, сейчас целенаправленно ориентируют на продолжение вооруженного конфликта и противостояние России. Для этой категории украинского населения момент самоопределения наступит с прекращением работы спирали молчания. Можно предположить, что многие из них быстро поменяют точку зрения на происходящее и свое отношение к российско-украинским отношениям. Другие же вступят в стадию сложной и постепенной трансформации взглядов. Нечто подобное пережили немцы после Второй мировой войны: речь идет о вытеснении негативного личного опыта и его замене созданными с нуля «правильными» воспоминаниями[50]. Обывательское мышление начнет медленно стирать память о поддержке гражданской войны и антироссийских акций под воздействием импульса от краха объяснительной конструкции, господствующей в сегодняшнем общественном мнении Украины.

Очевидно, что в этой ситуации Донбасс должен сыграть роль проводника российского влияния на Украине. Курс на его выделение из состава страны сразу бы резко ограничил

[50] Vollnhals C. Entnazifizierung. Politische Säuberung und Rehabilitierung in den vier Besatzungszonen 1945-1949. München, 1991.

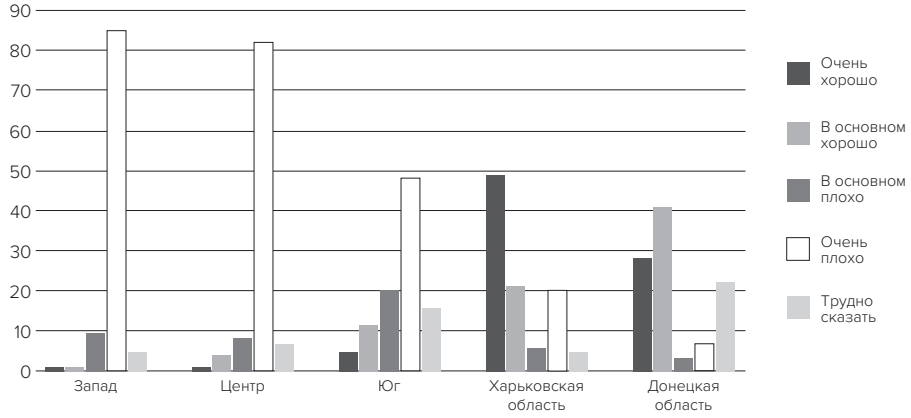
перспективы российской мягкой силы на большой Украине. Политическое решение о превращении Донбасса в автономию с широкими правами следует сопроводить созданием особой местной культурной и политической идентичности. Потенциал такого проекта более чем значителен. Условный регион, состоящий из Харьковской, Донецкой и Луганской областей, сейчас демонстрирует красноречивые показатели поддержки России (*Графики 10 и 11*)[51].

График 10. **Как Вы в целом относитесь к россиянам? (жителям России) (опрос граждан Украины), в %**



Источник: Киевский институт международной социологии, октябрь 2014

График 11. **Как Вы в целом относитесь к руководству России? (опрос граждан Украины), в %**



Источник: Киевский институт международной социологии, октябрь 2014

[51] Украина – Россия: нервная любовь, неравная ненависть // http://gazeta.zn.ua/internal/ukraina-rossiya-nervnaya-lyubov-neravnaya-nenavist-_.html.

Имеющиеся данные позволяют предположить, что сейчас эти территории, долгое время аморфные в социокультурном отношении, под влиянием гражданской войны переживают период формирования особой по отношению и к Украине, и к России идентичности, которая тем не менее очевидно пророссийская. Именно они наиболее восприимчивы к новой идеологии российского проекта регионального лидерства.

При удачном для Москвы развитии ситуации условный Донбасс возьмет на себя функцию, с которой до сих пор не справлялся украинский юго-восток в целом: станет центром культурного притяжения для русскоязычных областей Украины, аналогом того, чем для центральной и западной Украины является Галиция. Уже сейчас понятно, что основой его нового статуса может стать государственный патриотизм со значительной долей советской символики. Характерная особенность украинской гражданской войны состоит в том, что со стороны Донбасса она ведется не столько с пророссийскими, сколько с просоветскими лозунгами[52]. Россия привлекает его население как наследница СССР. При правильном использовании этого образа, на фоне фиксируемого социологически краха вызванных Майданом иллюзий (почти половина разочаровавшихся по состоянию на февраль 2015 г.)[53] и сохраняющегося неоднозначного отношения к европейской интеграции[54], которое будет лишь усугубляться по мере провала связанных с ней надежд населения, Россия вполне может рассчитывать на обретение массовой политической поддержки на украинском юго-востоке.

При этом нужно понимать, что целью российской мягкой силы на Украине должна тем не менее оставаться вся территория страны, вне зависимости от исторических и культурных симпатий населения. При неизбежной ее ориентации на русскоязычное население эта сила не должна быть антиукраинской. Правильно расставленные акценты

[52] Узнав о «декоммунизации», в Донецке ударились в другую крайность // // http://kp.ua/politics/501087-uznav-o-dekommunyzatsyy-v-donetske-udarylys-v-druhuui-krainost.
[53] Почти половина украинцев считает, что «Евромайдан» не достиг своей цели // http://rian.com.ua/society/20150220/363787203.html.
[54] Более половины украинцев не хотят в ЕС // http://www.regnum.ru/news/polit/1911859.html#ixzz3WKKpyCFg.

в проблеме трактовки событий Майдана и гражданской войны должны завоевать для России симпатии среднестатистических украинцев, которые во многом сбиты с толку. Это даст Москве значительный политический капитал, который можно удачно конвертировать через механизмы мягкой силы. Немаловажно, что при этом авторитет Донбасса как единственного региона, который поднял голос против нанесшего удар по украинской государственности переворота, поднимется на значительную высоту в глазах большинства украинцев.

Украинское общество, в отношении которого реализуется политика мягкой силы, представляет собой хрупкую ткань. Страны Запада во главе с США упустили из внимания то обстоятельство, что, форматируя сознание украинцев, ее можно легко нарушить. О мозаичности и непрочности Украины В.В.Путин, возможно, предупреждал президента США Дж.Буша еще в 2008 году[55]. Россия и сейчас, судя по заявлениям официальных лиц, отдает себе в этом отчет[56]. Российской мягкой силе в будущем необходимо стать максимально гибкой и перешагнуть через глубокие исторические и культурные антипатии. Эта задача может оказаться не менее сложной, чем само формулирование основ использования Москвой на Украине элементов soft power.

Библиография

1. Алексий II: единство Церкви не мешает суверенитету государств // http://ria.ru/religion/20080727/150057687.html.

2. Блок НАТО разошелся на блокпакеты // Коммерсант. 07.04.2008.

3. Более половины украинцев не хотят в ЕС // http://www.regnum.ru/news/polit/1911859.html#ixzz3WKKpyCFg.

4. Борох О.Н., Ломанов А.В. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643.

5. В Украине осталось около 20% сторонников Таможенного союза // http://zn.ua/UKRAINE/v-ukraine-ostalos-okolo-20-storonnikov-tamozhennogo-soyuza-149432_.html.

[55] Блок НАТО разошелся на блокпакеты // Коммерсант. 07.04.2008.
[56] Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине // http://www.kremlin.ru/events/president/news/20366.

6. Виктор Черномырдин назначен послом и спецпредставителем Президента по сотрудничеству с Украиной // http://www.1tv.ru/news/polit/118203.

7. Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине // http://www.kremlin.ru/events/president/news/20366.

8. Владимир Путин поддержал Януковича и украинский бюджет // Известия. 19.08.2004.

9. Воробьев В. Путин и Ющенко начинают, Христенко и Терехин продолжат // http://www.rg.ru/2005/03/21/putin-yushenko.html.

10. Выступление В.В.Путина на приеме по случаю 1020-летия Крещения Руси // http://archive.government.ru/docs/1525/.

11. Глазьев С.Ю. Украина ассоциацией с ЕС навсегда закрывает дверь в Таможенный Союз // http://www.rosbalt.ru/ukraina/2013/04/27/1123413.html.

12. "Ему было очень больно" // http://www.ng.ru/politics/2008-04-24/3_elcin.html

13. За вступление Украины в ЕС выступают 41% граждан, за Таможенный союз — 35% // http://zn.ua/POLITICS/za-vstuplenie-ukrainy-v-es-vystupayut-41-grazhdan-za-tamozhennyy-soyuz-35-130295_.html.

14. Зленко не понимает, почему Россия назначает послом бизнесмена по природе // http://new-ukraine.org.ua/news/177/ .

15. Зыгарь М. Торжества, приуроченные к Крещению Руси // Коммерсант. 28.07.2008.

16. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г. // http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

17. Копатько: никакой солидарности украинцев в дни Майдана не было // http://ria.ru/interview/20150407/1057077278.html.

18. Копатько: Украину ждет резкое социальное обострение и новые конфликты // http://rian.com.ua/interview/20150223/363874254.html.

19. Кузнецов А.В. и др. Мониторинг взаимных инвестиций СНГ. Доклад № 6, 2012.

20. Кучма Л.Д. Украина — не Россия. М., 2003.

21. Лубенский А. Чей язык до Киева доведет? // http://ria.ru/analytics/20091022/190098080.html.

22. Майдан-2013: кто стоит, почему и за что? // http://www.kiis.com.ua/?cat=reports&id=216&lang=rus.

23. Михаил Демурин о назначении Зурабова // http://www.rus-obr.ru/ru-web/3438 .

24. Мокрецкий А.Ч. Основные направления китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока, 2015. № 1.

25. Неменский О.Б. Чтобы быть Руси без Руси. Украинство как национальный проект // Вопросы национализма: журнал научной и общественно-политической мысли. Москва, 2011. Вып. 5.

26. Никонов В. Россия выборы выиграла, но Запад хочет Украину // http://inosmi.ru/world/20041214/215571.html

27. Новый Патриарх взялся за украинский язык // http://obozrevatel.com/news/2009/2/23/287648.htm.

28. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

29. Опрос: конфликт на Донбассе почти не изменил отношение украинцев к РФ // http://ria.ru/world/20141004/1026929962.html.

30. Отношение украинцев к России и россиян к Украине ухудшилось // http://www.interfax.ru/russia/422427 .

31. Посол Джон Теффт та його дружина пані Маріелла Теффт відкрили нову виставку: "Тарас Шевченко. Втрачені та повернені раритети" // http://ukrainian.ukraine.usembassy.gov/uk/amb-shevchenko.html.

32. Посол по социальным поручениям // http://www.kommersant.ru/doc/1191400 .

33. Посол США вступился за оппозицию на выборах в Харькове // http://www.segodnya.ua/politics/pnews/posol-ssha-vstupilsya-za-oppoziciyu-na-vyborah-v-harkove-656339.html.

34. Посол США на Украине осудил действия "Правого сектора" // http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2133407 .

35. Почти половина украинцев считает, что "Евромайдан" не достиг своей цели // http://rian.com.ua/society/20150220/363787203.html.

36. Путин считает себя "единственным в мире абсолютным и чистым демократом" // http://lenta.ru/news/2007/06/04/theone/ .

37. Путин: Оценку позорной практике внешнего управления даст украинский народ // http://kremlin.ru/events/president/news/50140 .

38. Путин: Саакашвили и Ющенко могут вспоминать "битвы", которые "продули" // http://ria.ru/politics/20091120/194616023.html.

39. Путин: США начали разрушать Украину // http://www.rosbalt.ru/main/2007/12/19/441987.html

40. Пухов Р.Н. Миф о "гибридной войне" // Независимое военное обозрение. 29.05.2015.

41. См.: Кучма и Ельцин встретили "старого друга" //http://www.pravda.com.ua/rus/news/2001/10/26/4363676/view_print/?ModPagespeed.

42. Узнав о "декоммунизации", в Донецке ударились в другую крайность // // http://kp.ua/politics/501087-uznav-o-dekommunyzatsyy-v-donetske-udarylys-v-druhuui-krainost.

43. Украина — Россия: нервная любовь, неравная ненависть // http://gazeta.zn.ua/internal/ukraina-rossiya-nervnaya-lyubov-neravnaya-nenavist-_.html.

44. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007.

45. Что украинцы думают о России: соцопрос // http://www.odnako.org/blogs/chto-ukrainci-dumayut-o-rossii-socopros/.

46. Ющенко испортил севастопольцам День флота // https://news.mail.ru/politics/2767637/

47. Ющенко сделал Романа Шухевича Героем Украины // http://focus.ua/society/11303/.

48. An Interview with John Tefft, U.S. Ambassador to Ukraine // http://thepolitic.org/an-interview-with-john-tefft-u-s-ambassador-to-ukraine/.

49. Interview with Sergey Markov, 16 December 2007 // Wilson A. Ukraine Crisis. What It Means For the West. Yale, 2014.

50. Lagon M.P. The Value of Values: Soft Power Under Obama // http://www.worldaffairsjournal.org/article/value-values-soft-power-under-obama.

51. Lucas E. Hybrid warfare works against countries that are weak // http://lmc.icds.ee/index.php?option=com_content&task=view&id=228&Itemid=348.

52. McFaul M. What Democracy Assistance Is and Is Not // http://www.diplomaatia.ee/en/article/what-democracy-assistance-is-and-is-not/ .

53. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Cambridge, 2004.

54. Ukraine Opposition Claims Win // http://articles.latimes.com/2004/nov/22/world/fg-ukraine22 .

55. Vollnhals C. Entnazifizierung. Politische Säuberung und Rehabilitierung in den vier Besatzungszonen 1945-1949. München, 1991.

56. Walsh N.P. Inquiry sought into claims of US funding // The Guardian. 13.12.2004.

57. Wilson A. Ukraine's Orange Revolution, NGOs and the Role of the West // Cambridge Review of International Affairs, 2016. Volume 19. Issue 1.